

"Впечатляюще, не так ли?" - тихо спросил Захария МакБрайд, стоя за Гейл Вайс на балконе. Она была высокой женщиной, но он был еще выше, и он покачал головой, смотря на огни города через ее плечо. "Я всегда думал, что это должен быть какой-то ... я не знаю ... мир арсенала, я думаю, как Болтхол Хевена, где-то там, но я никогда не представлял такого."

"Я знала об этом в общих чертах," - ответила Гейл. Она стояла, держась обеими руками за перила балкона, глядя на город Леонард, названный в честь самого первого Детвейлера, когда-либо ступавшего на планету Меза. "Я должна была, учитывая мою работу. Но я не знала ничего конкретного, вроде его расположения." Она резко фыркнула. «Если уж на то пошло, мы до сих пор не знаем, где он расположен, не так ли?»

"Нет, не знаем," - согласился Захария. "Может быть, это и к лучшему, ты не думаешь?"

"Думаю, если альтернатива - влипнуть в "проблемы с безопасностью", в любом случае."

Тон Гейл был горьким, и Захария быстро положил руку на ее плечо. Она повернула голову и посмотрела на него, и он покачал головой, быстро, но совсем немного. Ее рот сжался, но затем она глубоко вздохнула и кивнула.

"Я знаю," - сказала она, слегка коснувшись его руки на ее плече. "Безопасность важна. Я это понимаю. Если не понимала раньше, я чертовски хорошо понимаю это сейчас, и, учитывая мою специализацию, я полагаю, что мне всегда приходилось мириться с этим больше, чем большинству, даже внутри луковицы. И хотя я уверена, что Безопасность прослушивает каждый квадратный сантиметр Леонарда, я не собираюсь притворяться, что мне понравилось путешествие сюда. Или что я думаю, что это было необходимо." Она оглядела балкон сомневающимся взглядом, словно искала устройства наблюдения, которые, как они оба знали, должны быть где-то там. "Любой, кто читал мое досье, знал бы, что я бы притворялась, если бы сказала, что это так, и я всегда думала, что попытка свернуться в тени и скрыть то, что вы действительно чувствуете - это лучший способ заставить людей задаться вопросом, кто ты есть."

Мышцы живота Захарии сжались, но через мгновение он понял, что она права. Безопасность имела полные и подробные файлы на них обоих, и он никогда не сомневался, что программы психологического анализа, основываясь на этих файлах, заметят момент, когда любой из них начал показывать "ненормальное поведение". На самом деле, они, вероятно, заберут его здесь, в Дарии, еще быстрее, чем дома, в Мезе. Здесь было меньше людей, чтобы затеряться на их фоне ... и все на всей планете Дарий Гамма были частью Согласия.

Нужно время чтобы привыкнуть. Он и Гейл были на планете менее двух недель, и после того, как он скрывал какой-либо намек на его связь с Согласием - и особенно с внутренностью луковицы - почти от всех вокруг него, он был окружен системой с населением почти в четыре миллиарда человек, каждый из которых был гордым членом Согласия. Во многих отношениях это был невероятно обнадеживающий опыт, особенно после их мучительного путешествия сюда. Возможность говорить с людьми открыто о Согласии, о стремлениях Плана Детвейлера было пьянящим чувством. И чувство личной безопасности - нахождения в безопасности - было почти непреодолимым.

На самом деле оно было бы непреодолимым ... если бы не то самое мучительное путешествие. Из пяти членов их первоначальной партии только он и Гейл прибыли живыми. Он не знал точно, как умерла Лиза Чартерис, была ли она казнена ее охранником-гаулом, прежде чем он

взорвал Луиджи Пиранделло в системе Бальческу, чтобы предотвратить его захват Королевским Флотом Факела или она была убита самим взрывом - но он точно знал, как умерла Стефка Хуарес на борту Принца Сунджаты в той же звездной системе. И он также знал, что он и Гейл умерли бы с ней ... если бы двое из них не убили своего охранника первыми.

Он был уверен, что Кэролайн Богунов, капитан Принца Сунджаты, не верила в его историю о том, как Энтони Жиров истек кровью на палубе в ее офицерской комнате, но он и Гейл были единственными свидетелями, и они упорствовали в своей истории. Хуарес впала в панику, когда увидела взрыв Принца Сунджаты на визуальном дисплее и напала на Жирова, а Жиров - возможно, из-за раны, нанесенной внезапной атакой Хуарес его глазу - потерял контроль над собой. Он убил Хуарес, что, возможно, было самообороной, но затем он повернул свое оружие на Гейл и Захарию. Им удалось выбить оружие из его руки, и в последующей борьбе Захария добрался до него первым и убил Жирова в порядке самообороны.

Что бы ни думала Богунова, их отчет совпал с пятнами крови и ранами тел, и она работала на Джессик Комбайн и Рабсилу. Она никогда не слышала о Соголасии, но она знала, что нельзя задавать неудобные вопросы, и ее приказ о доставке ее пассажиров на следующий этап их поездки не допускал исключений. Неприятности случались с миньонами Рабсилы, которые не выполняли свои приказы, и для нее было очевидно - с вопросами или нет - что, кто бы ни были ее пассажиры на самом деле, она не хотела связываться с их начальством. Поэтому она решила принять их рассказ за чистую монету ... и держала их в одной каюте, пока не смогла избавиться от них.

Когда это случилось, их версия событий была в значительной степени верна. Хуарес запаниковала, а Захария убил Жирова в порядке самообороны. И, в некотором смысле, это могло быть лучшим из того, что могло случиться. Тем, кто знал что-либо о гаулах, нетрудно было поверить, что Жиров отреагировал бы именно так. Если их начальники и были чем-то удивлены то тем, что Гейл и Захария сумели победить его и выжить. Тем самым они, похоже, улучшили свое положение в глазах Безопасности. И тем, что они послушно долгу продолжили поездку, как планировалось. С их стороны потребовалось немало изобретательности, поскольку Жиров больше не мог вести их к контактам на следующем этапе, и их готовность рисковать, чтобы найти эти контакты, а не пойти по легкому пути и просто попытаться исчезнуть, продемонстрировали лояльность, надежность и изобретательность, которую можно было ожидать от пары с генетическими альфа-линиями.

Поэтому, если Гейл хочет жаловаться на то, как их почти убили, она имеет право. И ее аргумент в пользу того, чтобы быть открытым в этом, имеет большое значение.

Лучше всего продолжать так, как мы начали, как обычно говорила мама, размышлял он с болью потери, которая уже стала знакомой. И это не так уж плохо. Я никогда бы не встретил Гейл без Гудини, и это чертовски стоило быть почти убитым. Конечно, это маленькое "почти" - самое важное в этом.

Он фыркнул, забавляясь, и она наклонила голову, сузив глаза в размышлении. Это пугало, в самом деле, как она уже научилась читать его, как книгу. Он предположил, что интенсивность момента, который свел их вместе, может иметь какое-то отношение к этому, но вообще-то, она была, возможно, умнейшим человеком, которого он когда-либо встречал ... за исключением прискорбного вкуса в выборе мужчин, причем он сам был главным примером этого.

"Я просто думаю обо всем, что мы прошли, чтобы добраться сюда," - сказал он.

"И это забавно?" Она покачала головой. "Вы очень странный человек, Захария МакБрайд!"

"О, дело не в том, что это забавно." Он покачал головой. "Я думал о том, что вам как-то удалось избежать убийства, только чтобы застрять со мной. Некоторые люди - например, мои сестры - вероятно, спросили бы, был ли это лучший возможный результат."

"Ну, я думаю, что все получилось прекрасно ... пока, по крайней мере," - сказала она, прислоняясь к нему спиной. Он обнял ее и положил подбородок на макушку, наслаждаясь ее сладкой, прочной силой. "Конечно, еще рано," - задумчиво продолжала она. "Я обычно даю своим мужчинам шестимесячный испытательный срок, ты понимаешь." Она задрожала от смеха. "Мне жаль говорить это, но до сих пор никто из них не ... выдержал все шесть месяцев."

"Вот почему я принимаю витамины и провожу время в спортзале," - сказал он ей серьезно. "Пытаюсь увеличить свою выносливость, я имею в виду."

"О, есть намного лучшие способы наращивания выносливости," - промурлыкала она. "На самом деле, почему мы не пользуемся некоторыми из этих лучших способов?"

"По моему это замечательная идея," - сказал он ей, поднимаясь достаточно далеко, чтобы поцеловать ее макушку. "С другой стороны, есть маленькая проблема голода. Кажется, ты сказала, что ослабела от голода, когда мы сделали заказ. Я бы не хотел иметь никаких несправедливых преимуществ в смысле выносливости из-за низкого уровня сахара у тебя в крови."

"Низкий уровень сахара в крови, не так ли?" Она увернулась от него и повернулась, чтобы слегка ударить его в живот. "Вы заплатите за это, Захария Томас МакБрайд! Но ..." - продолжала она высокомерно, "- после того, как я поем. Не потому, что я нуждаюсь в пропитании, вы понимаете, но как способ подчеркнуть мою очередь приоритетов и дать понять, что для меня важнее - еда или ваши жалкие попытки соответствовать моим высоким стандартам в мужчинах."

"О, это было здорово!" Захария поздравил ее со смехом. "Возможно, это было немного ... я не знаю ... многословно, может быть, для действительно первоклассной реплики, но это было хорошо. Очень хорошо!"

Она показала ему язык и грациозно - действительно грациозно - удалилась с балкона и в их роскошную квартиру. Он наблюдал за ней, пока она, покачивая бедрами, подмигнула ему через плечо и направилась к спальне, чтобы переодеться в ее версию "чего-то более удобного". Он с нетерпением ждал, чтобы узнать, что это означало для нее сегодня вечером.

Он снова повернулся к виду на Леонард, снова изумляясь огромным жилым башням, широким проспектам и зеленым поясам, сиянию огней, бегущих по бокам зданий, ярким огням прогулочных лодок на озере в сердце города. В отличие от многих столичных городов во многих звездных системах, Леонард тщательно планировался с самого начала и строился со всеми преимуществами цивилизации, имеющей антигравы. Не было старых кварталов, построенных из природных материалов, ни трущоб, ни многоквартирных домов. Это был совершенно новый город во всех отношениях - его старейшему зданию было значительно меньше, чем Т-сто лет, но его население уже превысило десять миллионов, и в отличие от Мезы в нем не было ни сессиз, ни рабов.

Вероятно, это была самая замечательная вещь во всей системе Дарий, размышлял Захария. Как он сказал Гейл, он всегда понимал, что что-то вроде Дария Гамма должно было существовать, хотя бы для того, чтобы строить военные корабли, в которых вкладывалось так много их исследований. Очевидно, они не могли строить их в Мезе! Последнее, что им было

нужно, чтобы любые следы Флота Мезанского Соглашения попали в поле зрения до того, как настало время его использовать. Почему-то ему рисовался мрачный, серый переполненный промышленный муравейник, с генетическими рабами, работающими под присмотром своих надзирателей. Место, где все было нацелено на то, чтобы выжать максимальную отдачу от каждого часа бодрствования каждого рабочего. Где человеческий элемент в рабочей силе был только одним из компонентов, которым управляли с безжалостной эффективностью.

То, что он нашел, было миром, чей каждый гражданин с энтузиазмом подписался на реализацию Плана Детвейлера. Более трех четвертей этих граждан - фактически более восьмидесяти процентов, - были клонами, произведенными и отфильтрованными со всем опытом, накопленным Рабсилой на протяжении веков. Эта доля начала снижаться по мере того, как первые поколения выросли и распространились старомодные естественные роды, но на десятилетия вперед, искусственно выращенные, клонированные дети будут по-прежнему превосходить число рожденных естественным образом.

По законам Мезы - которые не были таким-же, как законы Дария, если быть честным - эти клоны были собственностью того, кто их создал. В этом смысле они были генетическими рабами с рождения, так же, как и все, кого Рабсила когда-либо упаковывала и продавала. Но как только эти "рабы" были отфильтрованы, их воспитывали приемные родители. Их воспитывали и обучали, не подвергали жестокому обращению - как ценных людей, а не одушевленных предметов собственности. Их было поощряли думать о себе, ценить себя.

Семьи на Дарии Гамма, как правило, были ... большими. В средней семье было, по крайней мере, дюжина детей в любой момент, и вместе с пролонгом и современной медициной, планетарная популяция росла с огромной скоростью. И каждый из этих людей был генетически по крайней мере, линией гамма. Более половины были бета, и по крайней мере пятнадцать процентов были альфа. Огромные фрагменты их генов были идентичны генам любого раба Рабсилы, но это было во многом потому, что Рабсила была лабораторией, в которой развивались многие геномы звездных линий.

Конечно, в среднем образовании Дария было несколько небольших дыр. Например, они знали о генетическом рабстве, но они считали это мрачным, темным и извращенным наследием того, как галактика в целом демонизировала Леонарда Детвейлера и его друзей-мечтателей. Их учили, что Леонард победил страшное бедствие, которое распространилось в обществе Мезы, поскольку его члены отказались от борьбы и приняли - избрали - статус вне закона, который навязала остальная галактика, и что Соглашение возникло в значительной степени как реакция на это установление. Великая миссия Соглашения состояла в том, чтобы распространить оригинальное, славное видение Леонарда. Быть его защитником, его поборником - носителем его знамени. Это видение должно быть привести к триумфу, если бы не жуткая ограниченность остальной части галактики, отвергшей яркость его обещания, и поэтому народ Дария был готов к любой борьбе, какая может потребоваться.

Захария мог буквально ощущать движущую цель, энтузиазм и приверженность, которые возбуждали миллиарды людей в системе Дария. Достаточно было посмотреть вверх, в сияющее небо Леонарда, чтобы увидеть огромные космические станции, сверкающие на орбите Дария Гамма. И за ними, он знал, были астероидные очистители, плавильные заводы, производственные центры, создающие все больше и больше инфраструктуры, все больше и больше средств войны. Большая часть этой строительной программы была в процессе модификации, благодаря возможностям, недавно выявленным Звездной Империей Мантикоры, но люди Дария были привержены строительству Джаггернаута и для части Захарии МакБрайда, которая всегда была привержена Соглашению, это было опьяняющее варево.

Но для меньшей части это была огромная ложь. Эта мысль проникала в его мозг, как горько-сладкая мелодия. Они не знают правды о Рабсиле, о том, как Согласие использовало ее так долго. Что случится, если они когда-нибудь спросят себя, почему что-то вроде Согласия, с ресурсами, достаточными для колонизации Дария, - чтобы построить всю эту инфраструктуру с нуля - не могло искоренить генетическое рабство в собственном родном мире? Что случится, когда им позволят оставить Дарий, когда они вырвутся из Дария на военных кораблях Согласия? Будут ли они задавать вопросы? Те вопросы, которые, возможно, задавал себе Джек.

Он глубоко вдохнул, когда позволил себе обдумать это, наконец. Перед своим собственным опытом с Жиловым, гаулами и Дженис Маринеску, его позиция в глубине луковицы и важность его работы для Согласия смягчали его реакцию против реалий, которые представляла Маринеску. Он знал об этих реалиях, но это знание было интеллектуальным, а не чем-то, что было создано из личного опыта и непосредственных эмоций. Он всегда знал, что опыт Джека как части сил безопасности луковицы сильно отличался от его собственного опыта, но до поездки из Мезы в Дарий он никогда не мог по-настоящему понять, насколько они должны быть разными.

И теперь, увидев, что такое гаулы, проехав в тех же условиях, что и генетические рабы, и увидев жестокую дегуманизацию, которой они подвергались каждый день, пока Согласие использовало это учреждение, - находясь на настоящих рабских кораблях, таких как Принц Сунджата, и видя приспособления для сброса живых, дышащих мужчин, женщин и детей в космос, как какой-то мусор просто чтобы избежать быть пойманными с ними на борту, - он точно понял, что могло заставить человека, такого как его брат, - хорошего человека, - повернуться против дела, которому он посвятил свою жизнь.

Это была не та мысль, которой Захария МакБрайд был готов поделиться с кем-то, даже, - или, может быть, особенно - не с Гэйл. Это была мысль, которой он не рад был сам. Мысль, которая, как надеялась его трусливая часть, умрет естественной смертью, когда он полнее погрузится в яркое, чудесное будущее, которое строится здесь, в Дарии. И пока он смотрел на эту великолепную перспективу, пахнущую цветущими деревьями зеленых поясов, наблюдал за местным эквивалентом ночных птиц и летучих мышей, которые кружили над башнями, он чувствовал эту мысль, там в его сердце, он знал, что это не будет легко.

* * *

"Ну, мы здесь," - вздохнул Руфино Чернышев, садясь в кресло за своим новым столом.

Люсинда МиллиниEMI последовала за ним в кабинет. Теперь она сидела на углу этого стола, скрестив ноги, глядя сквозь огромную стену кристопласта на башни Леонарда, позолоченные сияющим золотом ранним утренним солнцем. Чернышев потянул за несколько ниточек - он признал это; ранг имел свои привилегии, в конце концов, - чтобы убедиться, что Люсинда была эвакуирована тем же самым рейсом, что и он. Он не исключал, что эта кровожадная сука Маринеску добавила бы Люсинду в список "забракованных" ... особенно если бы она поняла, насколько близки Чернышев и она.

Они провели немало времени вместе во время рейса из Мезы, и она уютно устроилась в своей новой роли одного из его исполнительных помощников. Врядли она понадобится больше, чтобы управлять Виторино Стэйнджелэндом, и она была слишком хороша, чтобы тратить свои силы на большинство полевых заданий. И если так случилось, у него была личная причина или две, чтобы держать ее близко к дому и от неприятных вещей, таких как дубинки, пульсерные дротики или ножи в темных переулках, это было его делом.

"Поездка была не такой долгой, как я ожидала," - сказала она сейчас, и он пожал плечами.

"Одно из преимуществ путешествия в первом классе с полосным приводом," - фыркнул он. "И мы пришли сюда прямо из Мезы, если на то пошло. Поверь мне, было бы намного дольше, если бы мы застряли на одном из кораблей-работорговцев до точек сбора!"

"Точно," - согласилась она.

В отличие от Чернышева, она была достаточно поздно предупреждена о Гудини, и ему удалось избежать обсуждения самых ... неприятных аспектов планов Маринеску с ней. Тот же интеллект и возможности, которые делали ее настолько ценной, означали, что она почти наверняка поняла, каковы эти неприятные аспекты, но по крайней мере он удержал ее от прямого контакта с социопатичной сукой и ее соработниками. А во время путешествия к Дарию он обсудил с ней механику фактического перемещения многих людей в деталях. Даже если бы она могла быть угрозой безопасности в других обстоятельствах, она вряд ли была бы таковой в обстоятельствах реальных, в конце концов!

"Мне бы не понравился длинный путь," - продолжила она, прыгая со своего стола и подходя к кристопластовой стене. "Путешествие на борту рабского корабля и так было бы достаточно плохим, но застрять там на целые недели?" Она покачала головой.

"Нет выбора." Чернышев поднялся из кресла и подошел, чтобы встать рядом с ней. "Это грузовики, а не пассажирские лайнеры или курьерские суда, и ни один из их капитанов и астрогаторов не имеет понятия, где находится Дарий. Мы должны были вытащить их всех из Мезы и отфильтровать в пункты сбора, где их можно было бы разместить на борту настоящих транспортов - с отдельными каютами - для финального этапа к Дарию. Если бы у нас было больше времени, мы могли бы организовать что-то ... менее трудное, но мы должны были начать увозить их как можно быстрее."

"Особенно потенциально проблемных детей," - пробормотала она, и он кивнул.

"Особенно потенциально проблемных детей," - согласился он, затем пожал плечами. "К тому времени, когда мы с тобой ушли, мы добились большого прогресса, но нам повезло, что одна из ВИП-яхт была доступна, когда нам это понадобилось. По крайней мере, нам удалось организовать достаточный персональный лифт, чтобы вытащить оставшихся эвакуируемых по Гудини прямо сюда без каких-либо зигзагов."

"Это хорошо," - сказала она, и он кивнул.

Конечно, это не совсем так "хорошо", как ты думаешь, Люсинда, подумал он. Да, мы доставили корабли на Мезу - быстрые транспорты, оснащенные полосным приводом и замаскированные под грузовики, и к настоящему времени все их пассажиры находятся на борту, и они направляются к Дарию. Но я надеюсь, пройдет еще много времени, пока ты узнаешь о всех членах луковицы, которых мы не могли доставить на борт.

Он стоял рядом с ней, глядя на золотое утро Леонарда и ощущал полуперманентный кусок льда где-то под его сердцем. Он никогда не хотел офисной работы, и он особенно не хотел этой работы, но он взялся за нее. И с Божьей помощью делает ее. Но он не обязан любить ее.

Это не твоя вина, - сказал он себе снова. На самом деле это не чья-то вина. Это просто так получилось. Не было никакого способа провести достаточное количество дополнительных кораблей через Мезу - или контрабандой провести на них так много "мертвых людей" - за то время, которое у нас было. Еще пара месяцев - черт возьми, еще месяц! - и этого бы не

случилось, но у нас не было еще пары месяцев. И так, насколько ты ее не ненавидел, Маринеску, вероятно, была права, черт возьми ее черную душу в аду.

Возможно, это было правдой, а возможно, он переваливал много своего собственного чувства виновности на Маринеску, делая ее козлом отпущения за свою собственную кровную вину. Фактически, он был совершенно готов признать, что это именно то, что он делал. Но это не меняло его анализа ее фундаментального характера, и Согласие входило в новую фазу. Там все еще бывали случаи, когда им нужны люди, способные на "мокрые дела", но откровенная дикость Маринеску, специализировавшейся под прикрытием Рабсилы или других секретных операций Соларианских корпораций, должна была уйти в прошлое.

Согласие собиралось сделать переход от заговорщиков к подлинной звездной нации, независимо от того, знала ли остальная галактика о ее существовании или нет, и для звездных наций правила были другими. В любом случае пройдут Т-десятилетиями, по крайней мере, пока кто-либо, находящийся за пределами Мезы, или союзные звездные системы Фактора Возрождения, узнают об этом хоть что-то, но пришло время начать отучать Согласие от такого рода массовой резни, которую Маринеску организовала для Гудини.

Это был аргумент, который он использовал с Коллином Детвейлером, и Коллин принял его. Хотя Чернышев подозревал - более чем подозревал - что у него было несколько причин для этого.

Иронично, не так ли, Дженис? - подумал он, глядя в окно на город, которое Дженис Маринеску никогда не увидит. Все эти аргументы, которые ты придумала для использования Гудини в качестве "фильтра" для нежелательных и устранения людей для поддержания безопасности ... Никогда не думала о том, был ли кто-то так безжалостен, чтобы применить их к тебе, не так ли?

Это была настоящая причина, по которой Коллин согласился с ее "пакетом разделения". Она, Кевин Хаас и сотрудники их команды Халдейна были единственными людьми, - кроме Чернышева и самого Коллина, - которые знали все подробности пересмотренного списка Гудини. Многие другие оперативники знали его куски и кусочки, но большинство мужчин и женщин, участвовавших в его исполнении, были жестко разделены. Многие из них были удалены до Финального Аккорда. Те, кто остался выполнять заключительные этапы, не поняли, что они были свободными концами, которые нужно было "прибрать", используя любимую фразу Маринеску. Он считал подходящим, что сама Маринеску увидела ликвидацию практически всех ее оперативников Финального Аккорда. Тех, кого она не направила в ядерные огненные шары "эвакуационных центров", оставив ждать шаттлов, которые никогда не придут, кто умрет от множества "естественных причин", когда их нанотехи не получат свой очередной сигнал сброса.

Она просто не ожидала, что ее саму "приберут".

Никогда не устанавливал бомбу, которая дала мне большее удовлетворение, признался Чернышев в уединении своих собственных мыслей, но я не собираюсь лгать себе. Похоронить то, что на самом деле произошло как можно глубже - даже от остальной луковицы, если сможем, - было так же важно.

Конечно, что-то такого масштаба, с таким количеством "случайных совпадений" просто не могло остаться похороненным навсегда. В конце концов, как только Согласие победит, его собственные ученые и историки, несомненно, обнаружат хотя бы некоторые доказательства того, что на самом деле произошло. Но не было бы веских доказательств, и большинство

отвергло бы работу "параноидальных теоретиков заговора" сходу.

Не хотелось бы, чтобы что-нибудь запятнало имена основателей, не так ли? думал он цинично. Но правда в том, что вам не удастся что-то вроде Плана Детвейлера, если не сделаете некоторые из тех вещей, которые вы никому не пожелали бы делать.

И это, думал он, было верно для каждой звездной нации, в той или иной степени.

Он глубоко вздохнул и расправил плечи. Он был бы намного счастливее, признался он себе, когда Коллин будет на Дарии. И еще намного счастливее, когда прибудет Альбрехт и последний транш эвакуированных. Он спорил против решения Альбрехта дожидаться финальной волны, несмотря на то, что он был относительно новым для своего нынешнего положения, и он знал, что и Коллин, и Бенджамин делали то же самое. Но Альбрехта Детвейлера можно было использовать для иллюстрации слова "упрямый" в словаре.

И независимо от того, что когда-нибудь галактика может сказать о Согласии, подумал Чернышев, никто никогда не сможет винить чувство личной ответственности и долга Альбрехта. Я думаю, что настоящая причина, по которой он остался, заключалась в том, чтобы надавить на Маринеску, чтобы вытащить больше людей, чем она могла бы. О, он согласился с ее аргументами, и "безжалостность" находилась рядом с ответственностью и долгом в его личном пантеоне. Он был готов убить столько людей - столько миллионов людей - сколько должен, но была разница между ним и Маринеску. Он убьет столько, сколько ему нужно; она убьет столько, сколько удобно, и он считает, что его присутствие будет для нее очень неудобным в этом отношении. Интересно, сказал ли ему Коллин о ее пакете разделения? Я надеюсь, да. Альбрехт оценил бы иронию ... и я уверен, что посмеялся, по крайней мере, так же сильно, как и я.

<http://tl.rulate.ru/book/10132/285035>